

К. С. Ланда*

К ИСТОРИИ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СССР: ПОДГОТОВКА ИЗДАНИЯ «НОВОЙ НАУКИ» ДЖАМБАТТИСТА ВИКО

В настоящей статье на материале документов из различных архивов рассматриваются некоторые проблемные аспекты истории подготовки русскоязычного издания трактата «Основания новой науки об общей природе наций» Джамбаттиста Вико (неаполитанского философа эпохи Просвещения). Решение перевести и опубликовать «Новую науку» в сталинском СССР, с одной стороны, выглядит вполне органичным для элитного издательства «Academia», не побоявшегося включить в свои тематические планы «Цветочки» Франциска Ассизского и «Государя» Макиавелли, с другой — нуждается в оправданиях перед атеистической цензурой. Выполнить эту задачу призван не сам перевод, а его метатексты. В статье показывается, как при сохранении общего атеистического тона по сравнению с итальянскими идеалистическими и католическими трудами о Вико после репрессий 1937 г. в метатекстах начинают употребляться все более осторожные формулировки, а о значении концепции Вико для советской лингвистической науки перестают писать после ареста первого редактора книги.

Ключевые слова: Джамбаттиста Вико, «Основания новой науки об общей природе наций», художественный перевод в СССР, «Academia», Гослитиздат, Андрей Губер, Владимир Максимовский, Михаил Лифшиц, Алексей Дживелегов.

K. S. Landa

ON THE RECEPTION OF ITALIAN LITERATURE IN THE USSR: THE PREPARATION OF AN EDITION OF GIAMBATTISTA VICO'S *SCIENZA NUOVA* (NEW SCIENCE)

Drawing on original archival research, the present article examines a number of problematic issues that arose during the preparation of a Russian translation of *Principi di una Scienza Nuova Intorno alla Natura delle Nazioni* (*Principles of the New Science Concerning the Common Nature of Nations*) by the Neapolitan Enlightenment philosopher Giambattista Vico. On the one hand, the decision to translate and publish *Scienza nuova* in Stalin's USSR fits well with the mission of the elite publishing house *Academia*, which was bold enough

* Ланда Кристина Семеновна, PhD, преподаватель, Болонский университет (Италия); kristina.landa2@unibo.it

to include in its publishing programme Francis of Assisi's *Fioretti* (*Little Flowers*) and Machiavelli's *Prince*; on the other hand, this decision has to be carefully justified to appease the anti-religious censorship. It is not the translation itself but its metatexts that are called upon to fulfil this task. The article shows how, while adopting and maintaining throughout an atheistic tone, which stands in contrast to Italian scholarship that offered idealistic and Catholic interpretations of Vico, during the 1937–1938 purges the metatexts begin to use ever more cautious formulations, and the importance of Vico's theory for Soviet linguistics is no longer written about after the arrest of the book's first editor.

Keywords: Giambattista Vico, «Scienza Nuova», Literary Translation in the Soviet Union, Academia, Goslitizdat, Andrey Guber, Vladimir Maksimovskij, Mikhail Lifshits, Aleksey Dzhivelev.

Рецепции и переводам классической итальянской литературы в России эпохи Серебряного века посвящено немало работ [12, с. 281–315; 31, с. 427–439; 10, с. 185–216; 25; 26; 6, с. 127–139; 23]. В несколько меньшей степени, однако, исследована история издания итальянских классиков в СССР 1930-х гг. Между тем, именно в это время под эгидой элитного издательства «Academia» впервые подготавливались научные публикации итальянских литературных памятников, в работе над которыми были задействованы специалисты, известные еще до революции. Крылов и Кичатова называют это издательство «экзотическим цветком» «во льдах тоталитаризма», доносящим до советского читателя общекультурные и наднациональные ценности на заре сталинского террора [17, с. 5]. Знаменательно, что серию «Сокровища мировой литературы» в «Academia» открыла в 1928 г. книга итальянского автора — роскошный двухтомник «Декамерона» Дж. Боккаччо в старом переводе А. Н. Веселовского 1891 г. Итальянская словесность занимала серьезную нишу в тематических планах издательства; другое дело, что далеко не все публикации были доведены до благополучного завершения, некоторые же претерпели в ходе работы серьезные изменения по причинам, не имевшим ничего общего с художественными или научными достоинствами переводимых текстов. В настоящей статье освещается история одной из таких проблемных публикаций — нового перевода трактата «Основания новой науки об общей природе наций» неаполитанского мыслителя XVIII в. Джамбаттиста Вико [15, с. 393–426; 34; 39; 42; 43, с. 9–172]. Тема восприятия Вико философами-марксистами уже разрабатывалась в статье А. Дмитриева [38, с. 271–282]. В нашей же работе рассматривается история подготовки издания Вико в 1930-е гг. на основании архивных документов и изменения в репрезентации его научных открытий (в частности в области лингвистики) в метатекстах [30, с. 112] перевода после репрессий 1937 г.

С 1932 по 1934 гг. во главе «Academia» стоял бывший член Политбюро Л. Б. Каменев; как замечают В. В. Крылов и Е. В. Кичатова, этот период «был одним из наиболее ярких и плодотворных в истории издательства» [17, с. 67], задачи которого на тот момент заключались, по словам самого Каменева, в том, чтобы

снабдить советского читателя каноническими текстами крупнейших произведений мировой художественной и мемуарной литературы в таком научном и художественном оформлении, которое было бы достойно этих крупнейших памятников

человеческого творчества и в то же время вскрывало их место в драматической истории человеческой культуры [17, с. 67–68].

Именно в эти годы в «Academia» начали появляться новые ценные серии, среди которых и «Итальянская литература» под редакцией А. К. Дживелегова. Но в конце декабря 1934 г. Каменев был арестован по зиновьевскому делу, за чем немедленно последовали глубокие реформы в деятельности «Academia», санкционированные на самом высоком уровне. Отныне издательство должно было предельно сократить свою продукцию. 29 января 1935 г. временно исполняющий обязанности заведующего издательством Н. Н. Накоряков писал в Культпроп ЦК ВКП (б):

28-го января на совещании у П. Ф. Юдина нами вновь просмотрен план издательства «Academia», максимально сокращен и освобожден от всех сомнительного характера изданий. В плане остались только крупнейшие памятники классической литературы и бесспорные историко-литературные мемуары в ограниченном числе. <...> указанное снижение продукции может рассматриваться как свертывание изд-ва после смены его руководства, что, безусловно, будет производить неприемлемое с общественно-политической стороны впечатление на связанные с издательством — литературные и научные круги [22, л. 1].

Новые директивы повлияли и на подготовку изданий итальянской литературы в новых переводах. Наиболее урожайным на них был 1934 г.: именно тогда в переводах А. Дживелегова, А. Эфроса, С. Герье и других специалистов вышли не только художественные тексты («Новая жизнь» Данте, малые произведения Боккаччо), но и историко-политические и философские сочинения Д. Гверацци, Ф. Гвиччардини, Т. Кампанеллы, Н. Макиавелли. После ареста Каменева и последовавших ужесточений в 1935 г. в новом переводе были изданы лишь «Избранные сочинения» Леонардо да Винчи. В 1937 г. планировалась публикация «Оснований новой науки об общей природе наций» Дж. Вико (пер. А. А. Губера, ред. и вступ. статья В. Н. Максимовского), но в результате было выпущено лишь несколько сигнальных экземпляров; издание завершили уже в Гослитиздате (ГИХЛ) в 1940 г. под редакцией и со вступительной статьей специалиста по марксистской эстетике М. Лифшица [7].

Здесь целесообразно напомнить, что метатексты переводов, подготавливаемые крупнейшими специалистами, играли в судьбе советских изданий иностранных авторов роль не меньшую, а то и большую, чем специфика самих переводных текстов — роль своего рода идеологического буфера и одновременно — единственного источника действительно ценной информации об оригиналах, недоступной рядовому советскому читателю. Так, когда на совещании по отделу «Западной литературы» от 10 марта 1931 г. А. Н. Тихонов выразил сомнения, найдут ли «пессимистические настроения» итальянского поэта XIX в. Дж. Леопарди отклик у советского читателя, Ю. Верховский и А. Дживелегов ответили, что «пессимизм автора может найти специальную мотивировку во вступительной статье, между тем произведения Леопарди — представляют собой ценный вклад в мировую литературу. Без Леопарди нельзя себе представить план итальянской литературы»; таким

образом, Леопарди решено было включить в план [24]. А. В. Блюм пишет об этой тенденции:

...все издания классических произведений, особенно адресованные «массовому и юношескому читателю», должны были непременно сопровождаться марксистскими предисловиями и соответствующими комментариями, тем, что в обиходной литературоведческой лексике и сейчас носит название «конвоя» <...> Тексту нужно было дать своего рода «охранную грамоту» [5, с. 165].

Блюм приводит также показательный пример: в 1935 г. Главлитом была задержана верстка романа Л. Фейхтвангера «Безобразная герцогиня», т. к. не нашлось возможности выпустить его со специальным предисловием [5, с. 39].

«Academia» больше других издательств славилась своими предисловиями, послесловиями и обширными комментариями, длина которых, особенно начиная с 1935 г., была объектом критики партийных руководителей [28], но которые были необходимы для интеграции большинства западных авторов в советскую культуру (А. Н. Тихонов писал об этом М. Горькому, не упоминая слова «советский»: «...авторы, впервые вводимые в русскую литературу, без обстоятельного аппарата теряют свой смысл» [28, л. 2]). Судьба этих метатекстов порой причудливо переплеталась с событиями политической жизни страны. Так, печально известна история со статьей Л. Б. Каменева, которую включал первый том Макиавелли 1934 г. издания [32, с. 455–457; 17, с. 110–111]. Предъявляя Каменеву обвинение по делу троцкистско-зиновьевского центра, А. Я. Вышинский ссылался именно на этот текст как на свидетельство виновности подсудимого; верховный прокурор называл «Государя» Макиавелли «идейным источником, которым питались Каменевы и Зиновьевы» [8, с. 253] во время подготовки своего «террористического заговора» [8, с. 253] против советского правительства. Интересно, что Вышинский особенно подчеркивал актуальность наследия Макиавелли для «заговора» Каменева: цитируя слова последнего о том, что итальянский мыслитель был блестящим диалектиком и что он «создал снаряд огромной взрывчатой силы, который в течение веков беспокоил умы господствующих...» [8, с. 254], прокурор на полном серьезе заявлял, что, «очевидно, Каменев и Зиновьев хотели воспользоваться этим снарядом, чтобы взорвать и наше социалистическое отечество» [8, с. 254]. Как видно, утверждения о непреходящей актуальности зарубежного классического наследия могли быть опасны для авторов метатекстов к переводам зарубежных мыслителей, т. к. порой оборачивались орудием против них же самих в руках режима.

С историей издания Вико не было связано таких громких дел, однако на ней также отразились текущая ситуация в стране и перемены в политике издательств: от стремления актуализировать значение Вико для советской науки о языке — до критического анализа его сочинения с точки зрения исторической диалектики.

Как указывает А. Азор Роза,

основным тезисом книги Вико является положение о том, что существует некий (в некотором роде логический) механизм, стоящий за развитием человеческой

истории: ряд законов, которые могут быть проверены посредством анализа переплетения поверхностных явлений и которые, делая возможным «объяснение» человеческой истории, придают ей в то же время некий смысл» [33, с. 192].

Вико полагает, что эти законы в человеческой истории определяются божественным провидением, которое и «произвело переход человека от дикого, даже скотского, примитивного состояния к состоянию жизни в рамках законов, институтов и цивилизации» [33, с. 92]. Центральной идеей исторической концепции Вико является представление об общественных круговоротах. Согласно его учению, история человечества циклична: «эпоха богов», т. е. первобытных обществ, подчиняющихся не рациональному началу, а фантазии, и создавших поэтический язык, сменяется суровой эпохой «героев», а та переходит уже в современное рационалистичное общество, которое постепенно вновь вырождается до варварского состояния. Каждой стадии развития общественного сознания соответствует определенный этап развития языка: Вико прослеживает этот процесс «от немого языка, составленного из божественных субстанций, — к артикулированному и специфицированному языку Философов» [15, с. 420].

В первой половине XX в. идеи Вико об истории общества заново открыл для его соотечественников философ-идеалист Бенедетто Кроче, автор отдельных работ о Вико [36, с. 249–265; 37]. В своей «Эстетике как науке выражения и как общей лингвистике» (переведенной на русский язык и опубликованной в издательстве Сабашниковых в 1920 г.) Кроче утверждал, что Вико возвел поэзию в достоинство исторической эпохи, по сути отождествив ее с историей. По наблюдению М. Монтанари, Кроче усматривал у Вико стремление сделать субъектом истории творческую свободу духа, а также полагал, что он отрицает наличие естественных законов, управляющих историческими процессами — ведь в основе истории по Вико, согласно Кроче, лежит поэтико-фантастическая деятельность, а не естественные законы [40]. Впрочем, одним из «ограничений» исторической и языковой концепции Вико ранний Кроче считал как раз «не до конца отвергнутый им натурализм или провиденциализм, то есть представление о развитии истории согласно конкретным схемам и в конкретных формах» [40] (Перевод с итальянского на русский, кроме особо оговоренных случаев, здесь и далее наш. — К. Л.).

В Италии 1920-х и 1930-х гг. с идеалистической интерпретацией активно полемизировали католические авторы, согласно которым истоки человеческой истории в «Новой науке» заключались вовсе не в поэзии, а в христианской религии. Один из наиболее известных оппонентов Кроче, историк философии Эмилио Кьоккетти, рассматривал идеи Вико именно с этих позиций: Провидение по мысли Вико в прочтении Кьоккетти воспользовалось религией для того, чтобы образовать человечество; именно религия, а не поэзия, лежала в основе как создания социальных институтов, так и появления первых языков. Само собой, Кьоккетти подчеркивал роль божественного Провидения в мысли Вико, не отрицая того, что оно опиралось в своем делании на естественные законы [35, с. 211]. Некоторые из современных авторитетных исследователей Вико также особо выделяют роль действия Творца в его трактовке истории:

так, В. Витиелло в своем предисловии к новому изданию 2012 г. подчеркивает, что человек у Вико

творит историю постольку, поскольку в нем — в его уме — действуют принципы <...>, находящиеся внутри него, но ему отнюдь не принадлежащие. Принципы принадлежат провидению, т. е. Богу, действующему в истории. <...> Историю творит божественный ум через людей. И именно поэтому история имеет некий порядок [43, с. 128–129].

Карт-бланш на вхождение в советскую культуру Вико дали упоминания о нем К. Маркса, в частности, в письме к Лассалю от 28 апреля 1862 г.:

...книга эта интересна философским пониманием духа римского права в противоположность пониманию его филистерами от права. <...> У Вико содержатся в зародыше Вольф («Гомер»), Нибур («История римских царей»), основы сравнительного языкознания (хотя и в фантастическом виде) и вообще немало проблесков гениальности [21, с. 512].

Советских марксистов у Вико привлекал тот же самый принцип, который ранний Кроче полагал его недостатком, — принцип исторической закономерности, хотя они, в противоположность католическим интерпретаторам «Новой науки», понимаетея, старались отделить от этого принципа провиденциализм Вико. Однако труд Вико, по всей видимости, не подвергся идеологической обработке в самом переводе, который, как и другие переводы, делавшиеся сотрудниками «Academia» — хотя и вышел в итоге в Гослитиздате, — был выполнен весьма добросовестно и даже буквалистично (о точном филологическом переводе 1920-х — 1930-х гг. ср. недавнюю работу Баскиной [3]). Андрей Александрович Губер (1900–1970, филолог и искусствовед, в то время член редакции энциклопедического словаря «Гранат» [16, л. 3]), переводил с языка оригинала по единственному на тот момент шеститомному изданию трудов Вико Giuseppe Ferrari 1852–1854 гг., но сверял его и с изданиями «Новой Науки» Фаусто Николини (1911–1916 и 1928) — первое из них было снабжено фундаментальным критическим аппаратом, включавшим черновики Вико [11, с. 527]. Оба издания ориентированы на третью, наиболее полную редакцию «Новой науки» 1744 года, к которой адресовался и советский переводчик [11, с. 527]. В послесловии к переводу Губер указывал:

Очень много говорилось о «темноте» и «непонятности» Вико, о его бесконечных повторениях, о его неспособности выразить свои мысли. Переводчику пришлось сохранить не только смысловую, но и стилистическую особенность подлинника» [11, с. 526].

Губер придерживался буквалистского подхода вплоть до того, что ему пришлось оправдываться перед ленинградским отделением Гослитиздата в «несогласованности в прописных буквах», поясняя, что и здесь он следовал подлиннику [16, л. 44]. В тексте Губера трудно найти переводческие трансформации, которые бы искажали идеи Вико о Провидении; пример неточности можно обнаружить, в частности, в следующем эпизоде:

Вико:

...cotale Scienza dee essere una dimostrazione, per così dire, di fatto storico della Provvedenza; perché dee essere una Storia degli Ordini, che quella senza verun'umano scorgimento, o consiglio, e sovente contro essi proponimenti degli uomini, ha dato a questa gran città del Gener' Umano; che quantunque questo Mondo sia stato criato in tempo, e particolare, però gli Ordini, ch'Ella v'ha posto, sono universali, ed eterni [41, с. 901]. (Досл.: «...эта Наука должна быть доказательством, так сказать, исторического факта Провидения; потому что она должна быть Историей тех Порядков, которые Провидение, без всякого человеческого наблюдения, или совета, а часто и вопреки намерениям людей, даровало этому великому Граду Человеческого Рода; ибо, хотя этот Мир и создавался во времени и по частям, но Порядки, которые Оно (Провидение. — К. Л.) заложило в нем, универсальны и вечны»).

Ср. текст Губера:

Наша Наука должна быть доказательством, так сказать, исторического факта Провидения, потому что она должна быть Историей того Порядка, который был дан совершенно незаметно для людей и часто вопреки их собственным предположениям великому Граду Рода Человеческого; ведь если даже этот Мир и был создан во времени и по частям, то Порядок, в нем заложенный, всеобщ и вечен [7, с. 115].

Активные глаголы в предикатах предложений, субъект которых — Провидение — в исходном тексте эксплицирован, в переводе заменяются глаголом в пассивной форме и причастным оборотом без выражения логического субъекта: словосочетания «был дан» и «в нем заложенный» не отсылают читателя к Провидению, по крайней мере эксплицитно. Однако эту трансформацию вряд ли можно объяснять сознательной идеологической стратегией переводчика, учитывая, что в других местах текста он не маскирует роль Провидения; скорее, это следует рассматривать как стилистический выбор, за которым стоит неосознанное невнимание к формальным особенностям оригинальной фразы, выражающим религиозную идею автора. Идеологической же обработке тезисы Вико, как и других переводимых авторов, подверглись уже в метатекстах перевода. Статьи и аннотации имели здесь тем большее значение, чем более сомнительным для Главлита и Культпропа могло выглядеть решение издателей опубликовать «Основания новой науки об общей природе наций» — краеугольный камень европейской философии истории, утверждающий принцип действия божественного провидения в человеческом обществе. (Впрочем, издательство «Academia» часто отваживалось на смелые решения: так, список книг, одобренный редколлегией по итальянской литературе эпохи Возрождения в 1931 г. и подписанный А. К. Дживелеговым, начинался с «Цветочков» св. Франциска Ассизского [27, л. 5]).

В. Н. Максимовский — маститый советский историк, член партии большевиков и товарищ В. И. Ленина — в своей статье «Вико и его теория общественных круговоротов», вышедшей в «Архиве Маркса и Энгельса» [19, с. 7–62], не мог не согласиться, что «Вико признает Бога и даже признает «провидение»» [19, с. 13]. Однако оправданием в глазах Максимовского является то, что «в дальнейшем провидение лишь изредка вмешивается в ход истории, да и без

этого вмешательства «Новая наука» легко может обойтись. <...> Религия остается у него в стороне от его научных построений» [19, с. 13]. Значение же Вико в том, что он попытался создать научную теорию общества и в этом стал предшественником исторического материализма» (ср. [19, с. 8]). Позднее, уже в статье 1935 г., которая должна была войти в академическое издание «Новой науки», Максимовский подчеркивал, что Вико

был католиком <...>. Но это был своеобразный католик. <...> «Новая наука» вызвала негодование среди его католических друзей. И даже теперь попытку католиков справить юбилей Вико надо признать провалившейся: пришлось признать только один скудный факт, что Вико принадлежал к католической Церкви, и погрузиться в анализ специальных вопросов учения Вико [20, с. 12].

Ниже Максимовский сводил все утверждения Вико о «правильности доктрин католического богословия» к необходимости употреблять «казенный оборот речи», «сознательную фигуру умолчания», а иногда — к «духовному подчинению господствующей идеологии» [20, с. 13]. Показательно, что в этой статье уже нет ни одного упоминания о божественном Провидении, которое является одним из центральных концептов «Новой науки», — этот концепт просто отбрасывается, очевидно, как вынужденная уступка «господствующей идеологии». В статье же М. Лифшица, которая в итоге сопровождала издание «Новой Науки» 1940 г. в Гослитиздате, о Провидении упоминается лишь вскользь, когда Лифшиц ссылается на неразвитое историческое сознание времен Вико: философия, пытавшаяся подняться над скептицизмом, в эпоху Вико не могла не прибегать к поиску мистических связей (ср. [18, с. 25]).

Таким образом, чтобы замаскировать провиденциальный характер мировоззрения Вико, авторы предисловий представляли его сначала как вынужденную под внешним давлением (Максимовский), а затем как неизбежную в силу неразвитого исторического сознания (Лифшиц) уступку обществу, в котором жил неаполитанский философ. Но и другие характеристики теории Вико, в частности, его представлений о языке, менялись от статьи к статье в ходе подготовки издания, а безоговорочно хвалебный тон, как будет видно ниже, сменился довольно критическим.

«Новая наука» была включена в план «Academia» еще в апреле 1933 г., в разгар работы издательства над зарубежными классиками [16, л. 1]. Дживелегов рекомендовал книгу в редсовет, утверждая, что «вопрос о согласии, по-моему, не может быть. Предложение должно быть принято. Того же взгляда держится и А. М. Горький, который даже настаивает на том, чтобы к «Новой Науке» была присоединена и «Автобиография» Вико» [16, л. 2]. 3 сентября 1933 г. Яков Эльсберг писал Михаилу Лифшицу, который вначале должен был быть аппаратным редактором книги:

Перевод Вико — дело длинное. Губер берется его сделать только к 1-му июня 34 года. Затем вопрос о комментарии. Губер считает, что он должен быть размером в 10 листов. Мне кажется это преувеличенным, со мной согласен также Дживелегов. Но, конечно, тут надо подробно взвесить аргументы Губера. Во всяком случае, нужно разработать план комментария [16, л. 3].

Проблема избыточности справочного аппарата в изданиях «Academia» в 1933 г. еще стояла не так остро, как в 1935-м, когда издательство получило прямо из ЦК строжайшее распоряжение «сократить до минимума вступительные статьи и комментарий» [28, л. 1]; однако с комментарием имелась и другая проблема. Губер предлагал разделить комментарий на три части: «Исторический; Реальный (имена и названия, исторические и мифологические) и Филологический (главным образом переводы латинских и греческих цитат, филологические справки)» [16, л. 6]. Сложность представлял исторический комментарий. 27 апреля 1936 г. Тихонов писал Горькому о трудностях комментирования издаваемых книг:

Другая (проблема. — К. Л.) — где найти автора для вступительных статей и комментарий? Явно — здесь нужны историки. А вы знаете, конечно, в каком состоянии находятся теперь наши историки: одни из них молчат, другие трепещут, а кто получше — заняты, взапуски пишут учебники [29, л. 2].

Не только предисловия и послесловия, но и комментарии к переводу итальянского мыслителя должны были составляться идеологически подкованным специалистом. Неудивительно поэтому, что переводчику Губеру были в итоге поручены только «реальный» и «филологический комментарий» на 5 листах, исторический же — до 1 листа — должен был быть выполнен марксистом Максимовским, как и вступительная статья, согласно договору с Каменевым от 8 декабря 1933 г. [16, л. 7, 13]. Кроме того, Максимовский написал аннотацию к готовившемуся тому.

Как мы сказали выше, статью опубликовали в «Литературном критике» за 1935 г. (в кратком варианте) [20, с. 10–27], в полном же виде так и не напечатали. Статья носила абсолютно комплиментарный характер; в самом начале автор, в сущности, почти соглашаясь с Бенедетто Кроче, не только называл Вико «одним из основателей эстетики нового времени» [20, с. 10] и заявлял, что «теория общественного развития, методология истории, история античного мира, история древних общественных формаций, история права обязаны ему не меньше, чем эстетика» [20, с. 10]; наконец, провозглашал его создателем новых принципов изучения языка и литературы (ср. [20, с. 10]). Внимание автора статьи было сосредоточено в первую очередь на идеях Вико о языке, поэтике и риторике. Самое примечательное в ней, что анализ метода Вико позволил автору статьи утверждать, будто в некоторых тезисах Вико присутствует «зародыш» идей материалистической лингвистики, высказанных неограниченным хозяином советской лингвистики Н. Я. Марром (ср. [20, с. 16]): в частности, если последний видел в языке надстройку над социально-экономическими отношениями в обществе, то и Вико, по мнению Максимовского, рассматривал слово как знак вещи «в ее общественном значении», а этапы развития языка будто бы отражали для него социально-экономические этапы развития общества (от собирательства до создания городов и учреждения академий) [20, с. 13]. Утверждая, что «В силу единообразия развития всех племен» в различных языках, согласно Вико, «возникали слова одного и того же содержания» [20, с. 16], Максимовский сближал неаполитанского философа с идеей Марра о том, что языки всегда развивались по одним и тем же законам. Кроме того,

Максимовский сопоставлял Вико с Марром еще в одном отношении: приписывая Вико «открытие истинного Гомера» [20, с. 22], предвосхитившее Вольфа (т. е. предположение, что поэмы Гомера были составлены разными авторами и что в них отражается специфика культуры периода их написания), автор статьи напоминал, что и ученики Марра также ищут элементы гомеровских поэм в древних культурах (минойской и микенской), а сам Марр в последнее время «привел новые данные в защиту того, что имя Гомер — не личное» [20, с. 26]. Также Максимовский утверждал, что мысль Вико о том, что лучшие образцы искусства, создававшиеся в любые времена, имеют универсальную ценность для всего человечества, «может быть в переработанном виде принята в арсенал нашего современного мировоззрения» [20, с. 27]. Этот тезис, который мог бы быть воспринят в русле полемики с идеями начала 20-х гг. об отказе от дореволюционного искусства, вполне соответствовал общему направлению в литературоведении середины 30-х [14, с. 147]. В целом Вико в тексте Максимовского выступает исследователем, исключительно интересным для советского читателя, поднимающимся над своим временем и фактически не имеющим недостатков. При этом ее лейтмотивом является сопоставление Вико с любимцем сталинского режима начального периода Н. Я. Марром. Примечательно, что статья написана на следующий год после репрессий против московских лингвистов, противников теорий Марра [1; 4, с. 79].

Однако, как мы сказали, статью Максимовского сняли еще до закрытия издательства из-за ареста ученого [16, л. 57], а в конце 1937 г. «Academia» была уже окончательно закрыта, а ее портфель передан Гослитиздату [9]. Уже для ГИХЛ в 1938 г. статья под заголовком «Вико и его «Новая наука»» была написана бывшим редактором «Academia», крупнейшим итальянистом сталинской эпохи и убежденным марксистским историком А. К. Дживелеговым [13] (О роли Алексея Карповича Дживелегова в советской итальянистике подробнее ср. статью М. Л. Андреева [2, с. 308–318]). Общая тональность его статьи была по-прежнему хвалебной: хотя в самом начале Дживелегов оговаривал, что методологическая часть книги Вико «представляет мешанину из схоластики, картезианства и филологических дисциплин» [13, л. 1], он вместе с тем утверждал, что «в этой кажущейся беспомощности таится чудесная сила» [13, л. 1], а в путанице — «чудесная система» [13, л. 1]. Для Дживелегова также были важны лингвистические открытия Вико: он заявлял, что «разрешение гомеровского вопроса, теория исторического развития права, государства, религии — таковы главнейшие заслуги Вико перед наукой» [13, л. 38.] и, как и Максимовский, обнаруживал в «Новой науке» предпосылки яфетидологии Марра. И эта статья тоже так и не была напечатана. Отрицательные замечания по ее поводу были сделаны профессором философии В. Ф. Асмусом: автор неподписанного текста от 14 июня 1938 г., озаглавленного «Дополнение к отзыву профессора Асмуса о статье А. К. Дживелегова «Вико и его новая наука»», осуждал, в частности, преувеличение Дживелеговым значения Вико для этнографии, филологии и лингвистики и сближение Вико с Марром:

... Не считая себя компетентным в оценке философских положений Вико и их места в развитии философии, могу присоединиться к замечаниям проф. Асмуса

относительно глав VI и VII статьи А. К. Дживелегова (стр. 20–29). Оценка взглядов Вико в области лингвистики, этнографии и филологии явно преувеличена. Никаких «поразительных открытий» (стр. 21) у него найти нельзя. Отдельные положения Вико могут показаться интересными, если их выхватить из контекста, ибо тогда не будет заметна их случайность и отсутствие строгого метода исследования (что, как я полагаю, и отличает Вико от любого крупного философа и от настоящих филологов). Указание, что у Вико имеются предпосылки «нового учения о языке», необоснованно. Если и можно найти (опять-таки, в отдельных высказываниях) некоторые совпадения с Н. Я. Марром, то только с ранними этапами «яфетидологии», когда та последовательным материалистическим учением не была. Это не умаляет интереса к положениям Вико, но должно быть дано в статье в совершенно ином виде. Поэтому глава VI должны быть основательно переделана. Что касается «гомеровского вопроса», то прежде всего в свете современной филологической науки должна получить иную оценку концепция Вольфа <...>. «Гомеровская проблема» гораздо сложнее, чем то представлялось Вольфу, а потому многие частности его теории сейчас безоговорочно отбрасываются. У А. К. Дживелегова же выходит так, как будто современная наука нисколько не ушла вперед с 1795 года. Кроме того, по его изложению выходит, что все основное из Вольфа было предвосхищено Вико: лично у меня при чтении «Новой науки» никогда такого впечатления не получалось, а потому это нужно тщательно проверить [16, л. 52].

Еще один отрицательный отзыв о работе Дживелегова, правда, по другой причине, дал М. Лифшиц, ставший общим редактором книги в период закрытия «Academia»: 27 июля 1938 г. он писал в Гослитиздат, что первый недостаток статьи Дживелегова — «отсутствие разбора философии истории Вико с точки зрения диалектического материализма» [16, л. 53] и что «имеющиеся в статье отдельные замечания (например, о циклическом движении) очень беглы и недостаточно убедительны» [16, л. 53].

М. Лифшиц неслучайно подчеркивал в своем отзыве на текст Дживелегова необходимость освещения теории циклического движения у Вико: его собственная статья о Вико, опубликованная в «Литературном критике» за 1939 г., по наблюдению А. Дмитриева, вызвала негодование Александра Фадеева и других важных чинов Союза Писателей именно из-за того, что, с их точки зрения, поддерживала теорию исторических циклов и идей Шпенглера и тем самым — идею о том, что вслед за любым революционным переворотом неизбежно наступает контрреволюционная фаза, термидор [38, с. 274]. Лифшиц видел в Вико предшественника Гегеля и Маркса и полемизировал с идеалистической концепцией его философии, развиваемой Бенедетто Кроче, заявляя, что «преимущества «Новой науки» заключаются в глубоком диалектическом взгляде на историю духовной культуры, на ее своеобразное, противоречивое развитие» [18, с. 16]. Если темой вступительной статьи Максимовского были эстетические и лингвистические взгляды Вико, то предметом работы Лифшица стала его диалектика с точки зрения марксистской исторической науки. Однако после репрессий 1937 г. во вступлении к «Новой науке» изменилась не только тема, но и тональность: хваля Вико за предвосхищение диалектики и глубину научного анализа, Лифшиц вместе с тем заявлял, что все ценное в его книге «выражено в чрезвычайно наивных формах, глубокие мысли пересыпаны всякими учеными пустяками, изложение крайне запутано» [18, с. 6]; «его рас-

суждения <...> о преимуществах христианской религии — просто жалки» [18, с. 7]. Таким образом, подчеркивая значение идей Вико для будущих марксистов, Лифшиц облек свои тезисы в крайне осторожную форму и не сближал его имя ни с одним из современных советских ученых.

В подобной тональности была написана и новая аннотация к изданию, составленная еще в 1937 г. т. Пиковым (инициалы не указаны, но, очевидно, нет оснований полагать, что за подписью стоит М. И. Пиков, художник, работавший при издательстве «Academia») и отосланная на проверку и утверждение Лифшицу сотрудником «Academia» Я. Е. Эльсбергом (впрочем, в конечное издание книги она так и не вошла). Если сопоставить ее с аннотацией Максимовского, отвергнутой издательством после ареста ученого, но явно послужившей образцом для Пикова, то будет видно, насколько оценка идей Вико снижена в новом варианте по сравнению со старым.

В самом деле, если Максимовский писал, что «книга Вико <...> имеет огромное значение в истории общественных наук, в истории эстетики и лингвистики» [16, л. 21], то Пиков осторожно называет его «одним из крупнейших и оригинальнейших исследователей XVIII в. в области истории культуры» [16, л. 27], не указывая конкретных дисциплин. Если Максимовский заявляет, что виковская теория происхождения и развития общественных форм во многом предвосхитила «позднейшие построения соответствующих областей науки» [16, л. 21], то Пиков сдержанно констатирует, что Вико был первым исследователем, кто более или менее отчетливо и последовательно проводил «мысль о закономерном развитии общественных форм и течении исторического процесса» [16, л. 27]. Максимовский также пишет, что «Особенно важны для настоящего времени методологические приемы и высказывания Вико (искания классового подоплека идеологии, применение генетического метода и метода пережитков, последовательный историзм всех его исследований)» [16, л. 21]. Все эти уточнения методологических приемов Вико Пиков в новой аннотации осторожно опускает и исключает акцент на актуальности идей Вико «для настоящего времени». Наконец, Максимовский упоминает, что Маркс «отметил в письме к Лассалю многие гениальные черты «Новой науки», особенно объяснение генезиса права, зачатки исследований Вольфа о Гомере <...>, основные положения современного языкознания, хотя и высказанные в фантастической форме» [16, л. 21]. Пиков вроде бы и повторяет то же самое, но совершенно по-иному расставляет акценты: «Своеобразная и редкостная эрудиция Вико в сочетании с его блестящей способностью, в которой Маркс усматривал проблески гениальности, вполне искупает фантастичность ряда его теоретических построений, ортодоксально-католический налет его схем и стилистические странности его главного труда, на которые так часто обращали внимание историки» [16, л. 27]. «Многие гениальные черты» превратились у Пикова в «проблески гениальности» (что является прямой цитатой Маркса), к фантастичности прибавился «ортодоксально-католический налет», а сближение с «основными положениями современного языкознания» вовсе опущено.

По наблюдению Дмитриева, уже в начале XX в. наметилось два основных подхода к изучению философии Вико: первый — исторический, основной целью которого было «тщательное изучение исторического контекста созда-

ния его работ» и второй — модернистский, центральным вопросом которого был вопрос «Почему Вико важен для нас сейчас?» [38, с. 272] Очевидно, что аннотация и статья Максимовского, которые изначально должны были войти в издание «Academia», целиком соответствовали второму подходу: автор не говорил о недостатках Вико и даже советовал сегодняшним советским читателям взять на вооружение его идеи. Лифшиц также подчеркивал важность идей Вико, но, в отличие от Максимовского, в гораздо более осторожной форме, отдельно останавливаясь на недостатках его труда. Кроме того, он подробно не анализировал в своем предисловии лингвистическую теорию Вико и вообще не упоминал в этой связи имя Марра или его учеников; это можно было бы объяснить научными интересами Лифшица, но ведь любые сведения, связанные с современным советским языкознанием, были исключены, как мы видели, и из аннотации к изданию, написанной «т. Пиковым» после ареста Максимовского. Те же аспекты были забракованы рецензентами и в предисловии Дживелегова. Поэтому можно скорее предполагать, что, заменив вступительную статью Максимовского статьей Лифшица, редакция не просто предпочла выделить из его учения историческую науку в ущерб филологии и лингвистике, но и решила обойтись без выстраивания прямых параллелей между тезисами неаполитанского мыслителя и открытиями современного ученого, метод которого с приходом Сталина к власти стал, как известно, монопольным в языкознании СССР, и выступления против учения которого повлекли за собой жестокие репрессии [4, с. 79]. Как отказ от прямых упоминаний имени Марра, так и общий — гораздо более критический — тон новой аннотации и новой статьи Лифшица, были, вероятнее всего, связаны с тем, что после ареста Максимовского и закрытия «Academia» для работавших над изданием Вико было необходимо избежать упреков в «любовании и увлечении прошлым», которые предъявлялись издательству еще до начала последних репрессий против него [5, с. 72]. С другой стороны, в 1937 г. пострадали и некоторые сторонники Марра [1], поэтому любые конкретные ссылки на него могли также быть истолкованы против употреблявших их авторов. Безопаснее было в принципе не упоминать его имени в связи с итальянским философом. Таким образом, «Новая наука» испытала на себе смену свободного курса горьковского издательства на более осторожный курс ГИХЛ предвоенного периода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Марр, марризм и сталинизм // *Философские исследования*. — 1993. — № 4. — С. 271–288. — URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/alp93sp.htm> (дата обращения: 06.06.2021).

2. Андреев М. Л. А. К. Дживелегов // Андреев М. Л. *Литература Италии. Темы и персонажи*. — М.: РГГУ, 2008. — С. 308–318.

3. Баскина М. Э. (сост.) *Художественно-филологический перевод 1920–1930-х годов*. — СПб.: Нестор-История, 2021.

4. Бернштейн С. Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е гг. XX в.) // *Советское славяноведение*. — 1989. — № 1. — С. 79.

5. Блюм А. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. — СПб.: Академический проект, 2000.
6. Венцлова Т. Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам — переводчики Петрарки (На примере сонета СССХI) // Венцлова Т. Собеседники на пиру. — М.: НЛО, 2012. — С. 127–139.
7. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / пер. А. А. Губер, ред. М. А. Лифшиц. — Л.: Государственное изд-во «Художественная литература», 1940.
8. Вышинский А. Я. Судебные речи. — М.: Госюриздат, 1955.
9. ГИХЛ. Управление делами (секретариат). Приказ по Народному Комиссариату просвещения Р.С.Ф.С.Р. от 4 января 1938 года о передаче дел издательства «Academia» Государственному издательству «Художественная Литература». 8 января 1938 // РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 8. 2 л.
10. Глухова Е., Поляков Ф. Сонеты из «Vita nuova» Данте в ранних переводах Эллиса. Подготовка текста и комментарии Елены Глуховой и Федора Полякова // Vienna Slavic Yearbook. — 2017. — № 5. — С. 185–216.
11. Губер А. А. От переводчика // Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. — Л.: ГИХЛ, 1940. — С. 525–528.
12. Де Микеллис Ч. Д’Аннунцио в русской культуре // Начало века. Из истории международных связей русской литературы / ред. М. Ю. Коренева. — СПб.: Наука, 2000. — С. 281–315.
13. Дживелегов А. К. Вико и его «Новая наука» // РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 502. 38 л.
14. Добренко Е. М. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. — СПб.: Академический проект, 1997.
15. Иванова Ю. В. Джамбаттиста Вико // История литературы Италии / ред. М. Л. Андреев. — М.: ИМЛИ РАН, 2012. — С. 393–426.
16. Издательство «Academia». Договоры и переписка с А. А. Губером, М. А. Лифшицем, В. Н. Максимовским и др. об издании трактата Д. Вико «Новая наука» («Основание новой науки об общей природе наций») с приложением плана книги и отзывов о вступительных статьях. Апрель 1933–1 февраля 1940 // РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 41. 67 лл.
17. Крылов В. В., Кичатова Е. В. Издательство «Academia». Люди и книги. 1921. 1938. 1991. — М.: Academia, 2004.
18. Лифшиц М. А. Джамбаттиста Вико // Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. — Л.: ГИХЛ, 1940. — С. 3–26.
19. Максимовский В. Н. Вико и его теория общественных круговоротов // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса: в 5 кн. / ред. Д. Рязанов. — М.: Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. 1929. — Кн. 4. — С. 7–62.
20. Максимовский В. Н. Эстетические взгляды Джамбаттиста Вико // Литературный критик. — 1935. — № 11. — С. 10–27.
21. Маркс К. Маркс — Фердинанду Лассалю в Берлин // Маркс К., Фридрих Э. Полн. собр. соч.: в 50 т. — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1963. — Т. 30. — С. 510–513.
22. Накоряков Н. Н. Письмо, секретное, Культпропу ЦК ВКП (б) — Стецкому, А. И. 1935, января 29 // Архив Горького ИМЛИ РАН. КГ-изд 2–51–1. 1 л.
23. Панова Л. Г. Итальянсья, русея: Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. — М.: РГГУ, 2019.
24. Протокол совещания издательства «Academia» по отделу «Западной литературы» 1931, марта 10. Рукопись с подписью Тихонова, А.Н., Антокольской, Н. // Архив Горького. ИМЛИ РАН. Ф. А. Н. Тихонова. Оп. 2. Ед. хр. 640. 28 л.

25. Самарина М. С., Шауб И. Ю. (сост.). Данте Алигьери: Pro et contra. Личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей: в 2 т. — СПб.: РХГА, 2011. — Т. 1.
26. Самарина М. С., Шауб И. Ю. (сост.). Данте Алигьери: Pro et contra. Личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей: в 2 т. — СПб.: РХГА, 2019. — Т. 2.
27. Списки книг, одобренных редколлегией по русской, немецкой, итальянской, французской, английской, американской литературам и литературе эпохи Возрождения [1931] // Архив Горького. ИМЛИ РАН. КГ-изд 2–34–1 «Academia». 5 л.
28. Тихонов А. Н. Письмо Горькому А. М. 1935 августа 1 // Архив Горького. ИМЛИ РАН. КГ-П 77–1–46. 2 л.
29. Тихонов А. Н. Письмо Горькому А. М. 1936 апреля 27 // Архив Горького. ИМЛИ РАН. КГ-П 77–1–49. 4 л.
30. Тороп П. Тотальный перевод. — Тарту: Издательство Тартуского университета, 1995.
31. Чекалов К. А. Блок, Брюсов и «спор двух Франчесок» // Шахматовский вестник / ред. Приходько И. С. — М.: Наука, 2010. — С. 427–439.
32. Юсим М. А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна. Этика Макиавелли. Макиавелли в России. — М.: Канон, 2011.
33. Asor Rosa A. Storia europea della letteratura italiana: in 3 voll. — Torino: Einaudi, 2009. — Vol. 2.
34. Battistini A. Vico tra antichi e moderni. — Bologna: Il Mulino, 2004.
35. Chiocchetti E. Saggi su G. B. Vico // Rivista di Filosofia Neoscolastica. — 1929. — Vol. 21, N № ¾. — P. 201–221.
36. Croce B. Estetica come scienza dell'espressione e linguistica generale. — Bari: Laterza, 1908 [1902]. — P. 249–265.
37. Croce B. La filosofia di Giambattista Vico. — Bari: Laterza, 1911.
38. Dmitriev A. Mikhail Lifshits and the Soviet image of Giambattista Vico // Studies in East European Thought. — 2016. — Vol. 68, N2. — P. 271–282.
39. Gisondi A. Verità, ragione, storicità. Forme della ragione nella Napoli di G. B. Vico. — Napoli: Giannini, 2011.
40. Montanari M. Croce e Vico: del verum-factum e del principio della storia // Croce e Gentile: la cultura italiana e l'Europa / a cura di M. Ciliberto. — Roma: Istituto dell'Enciclopedia italiana, 2016. — URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/croce-e-vico-del-verum-factum-e-del-principio-della-storia_%28Croce-e-Gentile%29/ (дата обращения: 01.06.2021).
41. Vico G. La scienza nuova. Le tre edizioni del 1725, 1730 e 1744 / a cura di M. Sanna, V. Vitiello. — Milano: Bompiani, 2012.
42. Vitiello V. Vico: storia, linguaggio, natura. — Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2008.
43. Vitiello V. Sul 'concetto' di moderno // Vico G. La scienza nuova. Le tre edizioni del 1725, 1730 e 1744 / a cura di M. Sanna, V. Vitiello. — Milano: Bompiani, 2012. — P. 9–172.